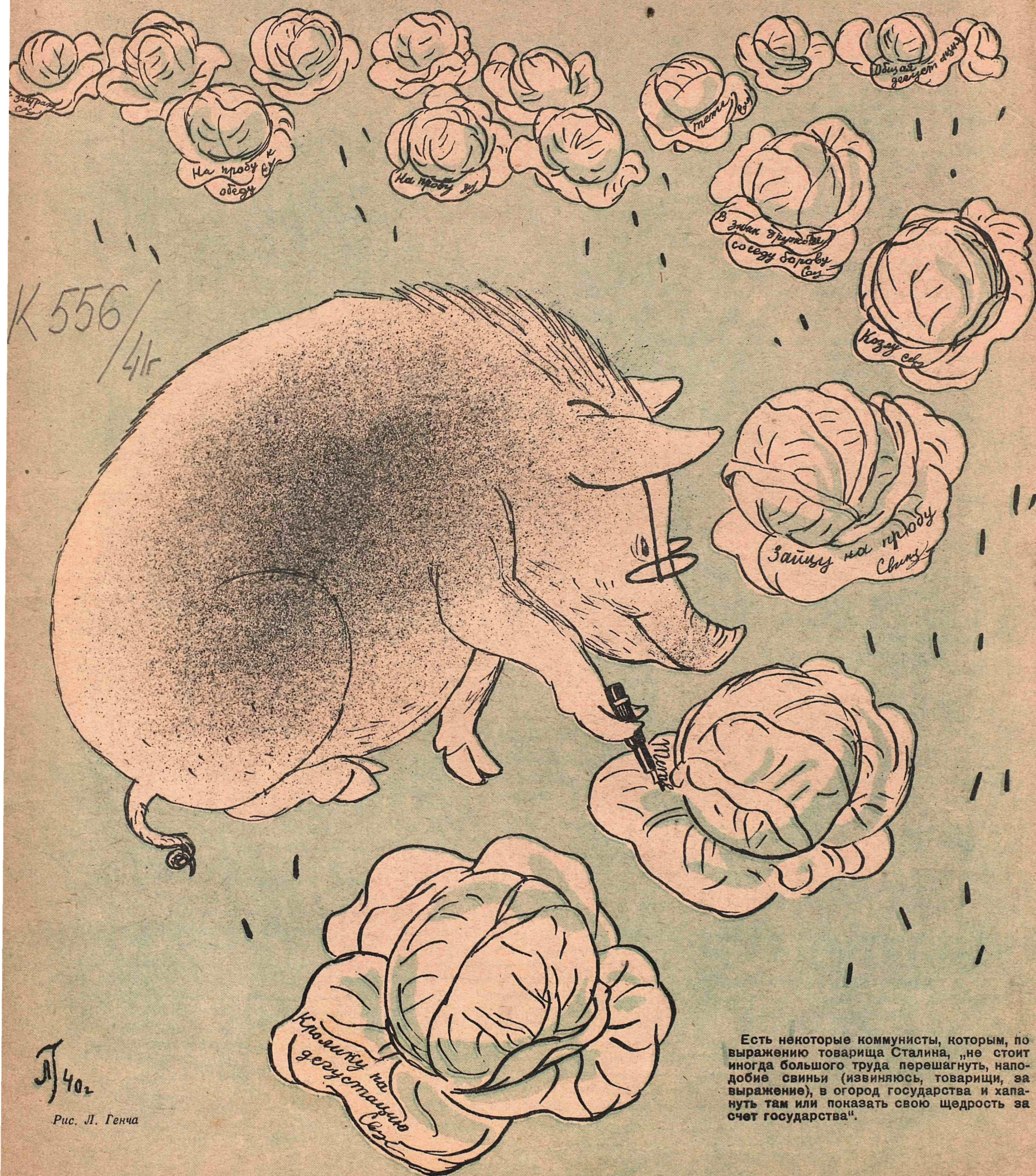

К Р О К О Д И Л

Есть некоторые коммунисты, которым, по выражению товарища Сталина, „не стоит иногда большого труда перешагнуть, наподобие свиньи (извиняюсь, товарищи, за выражение), в огород государства и хапнуть там или показать свою щедрость за счет государства“.

НОВАЯ МЕТЛА

НА ДЕГУСТАЦИИ

Рис. И. Семенова

НЕКТО Васичкин Алексей Степанович, только что назначенный начальником одного не очень крупного, но и не столь уж мелкого учреждения, сидел у себя в кабинете и изучал список сотрудников.

У его стола в почтительной позе стоял управляющий делами Племянницын.

Толстое, сытое лицо Васичкина не выражало ничего, кроме равнодушия и скуки. Но вдруг он нахмурился. Вслед затем одна бровь товарища Васичкина поднялась, а другая опустилась, рот открылся. Какую-то долю секунды новый начальник от изумления лишь медленно жевал воздух, не произнося ни слова. Потом спросил, ткнув пальцем в фамилию главного бухгалтера, Степана Петровича:

— Послушайте... Это что же такое?

Племянницын поспешно надел очки, посмотрел на грозный перст нового начальника и ответил с исчерпывающей точностью:

— Это? Это главный бухгалтер.

— Вижу, что не коза. Сколько лет он работает в вашем, то есть в нашем, главке?

— Десять.

— С-сколько?

— Десять лет, тут написано.

Брови товарища Васичкина заняли исходное положение.

— Послушайте, вы здоровы? — спросил он грубовато и фамильярно подмигнув Племянницыну.

— Не совсем, — растерянно ответил управляющий делами. — У меня почки. И вообще... нервы шалят.

— Боюсь, что у вас еще кое-что шалит. Сколько же он начальников пересидел, этот ваш... десятилетний сидень?..

— Много! — загадочно улыбнулся Племянницын.

— И его ни разу не освежали?

— Н-нет. Он хороший работник, честный человек. Дело здорово знает и от времени не отстает.

— Как хотите, а это оч-чень странно. Если он хороший работник, почему он сидит на одном месте? Рыба ищет, где глубже, а человек, — где лучше. Так?

— Так, товарищ Васичкин.

— Его давно могли переманить, если он действительно хороший работник. Тут что-то не того!.. Странно, что ваша, то есть наша, общественность относится к этому случаю так индифферентно!..

Товарищ Васичкин подумал еще и прибавил:

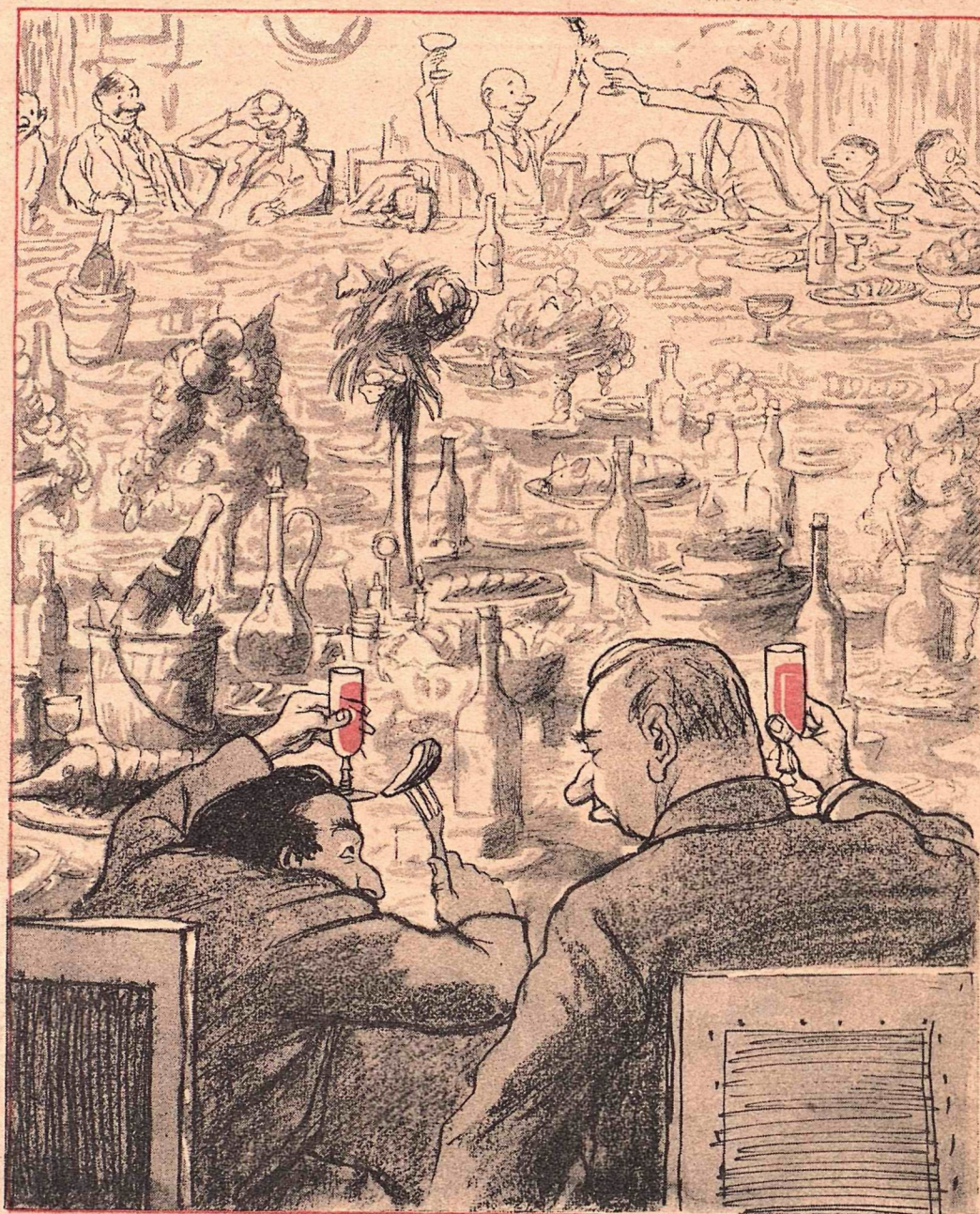
— Теперь, после Указа, он, чего доброго, еще десять лет у вас, то есть у нас, просидит!..

— Степан Петрович — старик крепкий! — отозвался Племянницын. — Он работу не бросит так просто, по собственному желанию.

— Вовремя освежить засидевшегося товарища — великое дело. Нельзя же сидеть десять лет на одном месте, нельзя!

Через декаду бухгалтера Степана Петровича «освежили».

На место Степана Петровича Васичкин

— Как вы сюда попали? Разве вы знакомы с правилами дегустации?
— Нет, я знаком с директором.

взял дальнего родственника своей жены и зажил припеваючи.

Впрочем, через месяц его сняли.

Снят был товарищ Васичкин с треском, с шумом, с бенгальским огнем и проработкой на активе.

Он исчез, оставив после себя неприятный запах гари.

Новый — после Васичкина — начальник начал свою деятельность с того, что добился возвращения Степана Петровича на старое место.

Старик уже был приглашен в соседнее учреждение на большую заработную плату, но, поломавшись, согласился вернуться к родным пенатам на прежнее жалованье.

Как-то на трамвайной остановке старый бухгалтер встретил товарища Васичкина. Отставной громовержец выглядел неважно.

— Ну, как живете? — спросил он бухгалтера, кисло ответив на его поклон.

— Ничего. Вот вернулся на старое место.

— Как — вернулся?

— Так!.. Звали на хорошую должность и платить больше обещали, а я не пошел...

Товарищ Васичкин даже посерел от изумления:

— Слушайте, Степан Петрович, дело старое. И потом я теперь для вас частное лицо. Объясните, какого чорта вы сидите десять лет на одном месте?

— Дело свое люблю и учреждение...

— «Расскажите вы ей, цветы мои!..»

— Ей-богу, люблю свое учреждение. Я его, товарищ Васичкин, через все реорганизации провел. Я биографию каждого стола знаю, мемуары могу писать, ей-богу!

— Бросьте вы мне баки забивать! Скажите лучше, что вы такое имеете там?

— Вот неприятности имел от вас!.. Простите, мой номер подошел... — и старик-бухгалтер ловко вскочил на подножку подошедшего вагона.

— Все-таки это очень, оч-чень странно! — сказал товарищ Васичкин, обращаясь к трамвайному столбу.

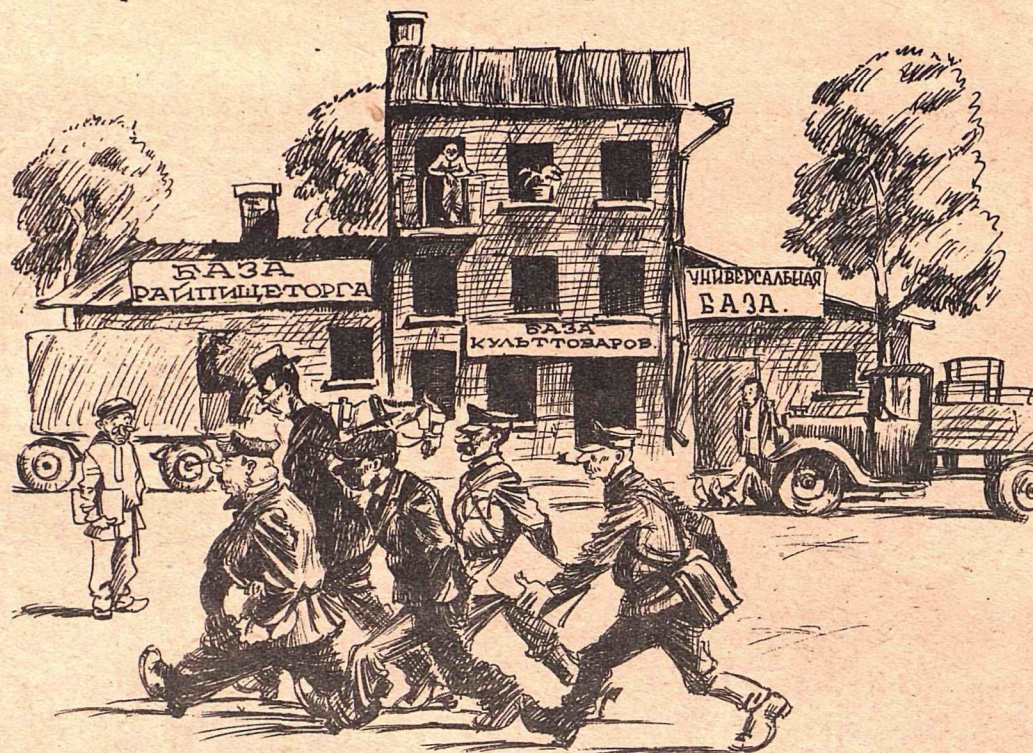
Столб молчал.

Леонид ЛЕНЧ

РУМЫНСКИЙ ДИПЛОМАТ:— Как сюда войти, чтоб подать заявление о выходе?

Рис. Е. Ведерникова

За отчетный период три кассира не вернулись на свои базы.

НА УЛИЦЕ

ЕЩЕ НЕДАВНО улицы у нас поливались из кишки.

Стоял себе дворник, держал кишку и поливал. Ну, что это такое?

А кишка привинчивалась прямо к тумбе. Ну, некрасиво. Неестественно. Не соответствовало духу времени. Научная мысль, конечно, не могла примириться с таким процессом поливания улиц.

И вот появились машины. Такой бак на колесах, и от него идут всякие трубочки, откуда брызжет вода.

Машина проехала — и улица великолепно полита: ровно, экономно и даже, пожалуй, научно, поскольку мужчина, сидящий рядом с шофером, регулирует воду. То пустит длинные струйки, то, наоборот, короткие. Смотря по надобности.

Вот такая машина — это уже современность во всем ее блеске. Это уже техника на уровне культурного ума. Это уже культура, незнакомая прошлому миру.

Взять, например, Египет. Несмотря на свой высокий идейный уровень, египтяне, будь они трижды неладны, не знали ничего подобного. А уж, кажется, южная страна. Адская жарница. Невероятная пыль благодаря тому, что пустыни близко. Тем не менее они дальше деревянного ведра, вроде шайки, не пошли. И с тем, как говорили, и закончили свою историческую миссию.

А живи они, скажем, у нас, в наше время, так, небось, тоже пользовались бы плодами цивилизованной жизни. Вот уж, как говорится, не угадаешь, где найдешь, где потеряешь.

А у нас к таким машинам уже привыкли. И даже не останавливаются, когда идет поливка.

Конечно, в другой раз остановятся, чтобы чертыхнуться, когда машина их обольет.

Но тоже нельзя требовать невозможного. Уж нельзя настолько научно поливать улицу, чтоб вовсе никого не облить.

Конечно, если там нарочно обольют, так сказать, для потехи, — ну, тогда другое дело.

Например вчера иду по улице и вижу: едет эта поливочная машина.

Сама голубая. Небесного цвета. Брызги

сверкают на солнце. Ну, восхитительное зрелище!

Иду по тротуару и любуюсь.

А впереди меня идет какой-то человечек. Машина же катит нам навстречу и поливает.

А улица второстепенная, пустынная. Больше и нет никого. Так что машина поливает все: и дорогу и тротуар.

Я, конечно, прижался к ограде, чтоб меня не слишком залило. Поскольку, думаю, мужчина, сидящий с шофером, вряд ли учтет немногочисленных прохожих. Вряд ли он уважит ходьбу двух отдельных людей. Не может того быть, чтоб он, думаю, убавил струйки. Это было бы уж слишком грандиозно — видеть такое уважение в столь малом житейском масштабе.

Итак, я прижался к ограде, а идущий впереди меня, полагая, что струйки сократятся, пошел напролом. Ну, и, конечно, был облит и, так сказать, охлажден в своем оптимизме.

Он поднял крик. Из кабинки шофера высунулся регулировщик. Он от души хохотал, смотря на мокрую фигуру прохожего.

Машина без остановки поехала дальше. Но оскорбленный прохожий побежал за ней. Он побежал за ней, крича и размахивая руками, как бы призывая небо в свидетели.

Вдруг машина остановилась у светофора. Это была вынужденная остановка, и наш регулировщик волей-неволей встретился с противником лицом к лицу.

Что уж тут описывать их словесную баталию! В воздухе висела такого рода брань, которая не подлежит оглашению в печати.

Прохожие шарахались в стороны... Впрочем, сие замечание — художественное преувеличение. Прохожие, увы, никуда не шарахались. Прохожие спокойно слушали площадную брань. Еще бы, привычная музыка для всех, кто ходит по улице пешком.

Говорят, что в XVII веке задумали у нас с этим бороться. Специальные стражники с дубинками в руках шлялись по базарам и нещадно лупцевали каждого, кто загнет сверх нормы.

Но из этого ничего не вышло. Побитых было столько, что царь велел прекратить побоище.

Но одно дело — XVII век, а другое дело — сейчас. Уж, кажется, можно было бы образумиться. Ну, да не в этом дело.

То есть, как это не в этом дело? Именно пришло время начать настоящую борьбу. А то, ей-богу, уши вянут.

В общем, простите, что сбился с основной темы. Очень уж наболелый вопрос.

Так вот, облитый прохожий лается с сидящими в кабинке. И он лается минуты три, поскольку машина не может двинуться дальше: идет какой-то обоз, и светофор красный.

На крик подходит случайный милиционер. Узнав, что случилось, и осмотрев облитого, он говорит:

— То есть никаких следов облития я не замечаю. Штаны и рубаха на вас сухие. Об чем вы загораетесь?

Облитый хлоп себя по штанам и рубахе, — действительно, сухой, как курица.

Конечно, жара, солнце, ветерок обдувает. За три минуты высохнуть можно.

Увидев, что объективных признаков больше нету, облитый перестает ругаться и, смущенно улыбаясь, закуривает. Причем спичку ему культурно подает регулировщик, который устал отражать словесные атаки и теперь хочет мира.

Один из публики, с книгой подмышкой, говорит:

— Подумаешь, облили! Делов на копейку. Вода — продукт химически чистый, и она не оставляет следов на хлопчатобумажных тканях. Вот если бинокль облить или правую руку, — тогда иное дело. А я бы даже хотел, чтобы меня облили, а то мне идти жарко, согрел.

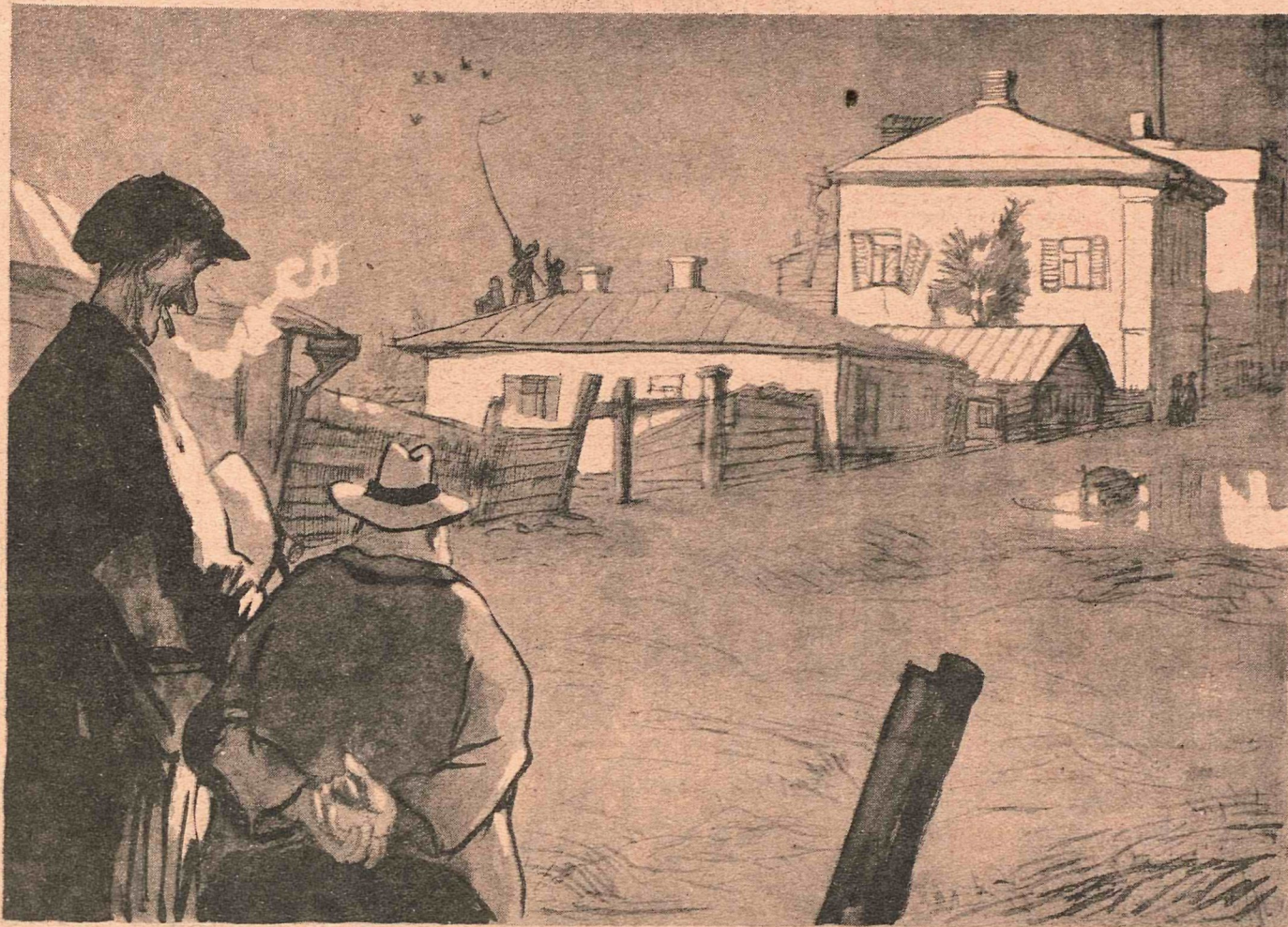
Регулировщик говорит:

— Вот тронемся, и я вас, милый человек, оболью с превеликим удовольствием. Мне и самому это всякий раз забавно видеть.

Тут светофор дает зеленый свет, великолепная машина трогается. Народ молча расходится.

Я иду дальше и по дороге там и сям слышу брань, которая произносится скорее добродушно и даже как бы с удовольствием чем со зла.

Мих. ЗОЩЕНКО

— Для чего мы будем освещать улицу, когда по ней все равно нельзя ходить?

— Зачем нам мостить ее? Ведь влопых по ней все равно не будут ходить.

ЗАБОР И ДВЕРЬ

ВОЗВРАТИВШИСЬ домой, в Мытищи, инженер Покрасс заметил ненормальную странность: часть забора вокруг дома, в котором он проживал, была снесена, а двор перегорожен. И, чтобы попасть к себе, пришлось карабкаться и перепрыгивать через высокий барьер.

Вскоре все раз'яснилось: это сосед по дому, гражданин Вульфман, собственноручно снес забор и перегородил двор.

Конечно, инженер Покрасс заволновался. Первое заявление он подал домоуправу. Домоуправ тов. Фадеева даже вспыхнула:

— Ну положим!.. Это он шутит, гр. Вульфман... Пока я еще домоуправ! Если хотите знать, все это дело для меня просто ломаного гроша не стоит...

Взялся домоуправ за дело горячо, но забор оставался на том же месте.

Тогда обратились к начальнику жилищного управления. Даже не к одному, а к двум: сначала к тов. Лепешкину, потом к тов. Берхину.

Лепешкин улыбнулся и возмутился:

— Что? Самоуправничать?! Это где? У нас, в Мытищах?.. Бабушкины сказки... Руки коротки!

Новый начальник, тов. Берхин, наоборот: сначала возмутился, потом улыбнулся.

— Смешно даже... Кто ж это позволит ему самовольничать...

Тогда обратились к председателю горкомхоза тов. Ананьеву. Он улыбнулся, возмутился и вспыхнул.

А забор стоял.

Тогда кинулись к председателю горисполкома тов. Горячову. Он возмущенно и категорически заявил:

— То есть тут же и дела никакого нет... Ясное ясное: забор перенести на старое место.

В мае этого года исполнилась первая годовщина этого «дела».

Связист по специальности, инженер Покрасс переключился на литературу. За год он написал и подал 24 жалобы. Надо полагать гр. Вульфман тоже не сидел сложа руки и меньше ли, больше ли, не писал... Писательский зуд охватил значительную часть мытищенских руководителей. Какие только инстанции не занимались этим забором!

Управдом Фадеева писала, один начальник жилищного управления Берхин писал, другой начальник Лепешкин писал, участковый писал, прокурор писал, народный суд тоже, наверное, бакуши не бил... У инженера Покрасса из 24 возможных есть уже 12 резолюций.

А забор стоит все на том же месте.

Но все-таки это еще не рекорд «устойчивости». Рекорд поставила группа товарищей из Первомайского района столицы. Эти труженики переплюнули мытищенских коллег. И маленькая дверь гр. Сверановского, пожалуй, утратит нос большому забору неуязвимо Вульфмана.

В комнате Сверановского потребовалось срочно сделать новую дверь взамен старой, пришедшей в негодность.

С апреля 1939 по июнь 1940 года этим «делом» занимаются: управдом, прораб, бюро жалоб, райжилуправление, стройконтроль, райсовет, райпрокурор.

Смешно и чуточку страшно подумать, сколько часов, а то и дней, а то и месяцев потратили эти инстанции на пустые разговоры, звонки, писанину...

А дверь, кстати, и до сих пор не сделана.

Впрочем, когда-нибудь, должно быть, все-таки и забор перенесут на старое место и дверь установят. Вообще, надо думать, эти дела когда-нибудь закончатся, раз столько инстанций занимается этим прошлогодним снегом...

Давайте, товарищи, только не будем им мешать. Вы ж видите, люди в поте лица трудятся, контора пишет...

Ал. ПАВЛОВИЧ

Тщетная предосторожность.

Ничего, ничего, молчание!

В УПРАВЛЕНИЕ Олоторского рыбокомбината, на Камчатке, поступил исполнительный лист народного суда 1-го участка Владимировского района, Астраханского округа, о взыскании алиментов с гражданина Голубева Тимофея Антоновича в пользу гражданки Погореловой Екатерины Ермолаевны на содержание сына.

Стояло лето 1939 года. Шел лов рыбы. Комсомол-моторист Голубев не отказывался от уплаты алиментов. Управление рыбного комбината немедленно приступило к взысканию, исчисляя срок с января 1939 года... Но тут встретилось неожиданное препятствие: народный суд не сообщил адреса Е. Е. Погореловой. Деньги есть, а высылать некуда. Народный суд недосмотрел и допустил досадную ошибку, впрочем, легко исправимую, потому что в делах народного суда есть, конечно, адрес матери.

Но тут и начинается небывалое происшествие, которое мы излагаем последовательно по содержанию телеграмм, сопровождая каждую телеграмму соответствующей цитатой из классической литературы для заполнения пустот:

1. 22 июня 1939 года. Владимировскому народному суду. Просьба срочно сообщить адрес Погореловой.

— *Ничего, ничего, молчание!* (Гоголь).

2. 27 августа 1939 года. Вторичная просьба Владимировскому народному суду. Время идет, ребенок растет, деньги накапливаются. Спешите.

— *Ай! Ай! Ничего, ничего! Молчание!* (Гоголь).

3. 27 сентября 1939 года. Третья просьба Владимировскому народному суду. Отзовитесь! Живы вы?

★
(Небывалое происшествие в 8 телеграммах и 10 цитатах)

★
— *Ни слова, о друг мой, ни звука! Мы будем с тобой молчаливы!* (романс Чайковского).

4. 23 декабря 1939 года. Владимировскому районному отделу милиции. Народный суд молчит. Просьба содействовать, чтобы нарушитель действовал. Адрес! Адрес!

— *Долго у моря ждал он ответа, не дождался...* (Пушкин).

А между тем ребенок растет, алименты скопляются, сумма перевалила за две тысячи.

5. 1 февраля 1940 года. Прокурору Владимировского района. Просьба воздействовать на районную милицию, чтобы она воздействовала на народный суд, чтобы он начал действовать и сообщил адрес.

— *Молчи! — Молчи! — Молчи! — Молчи!* (Островский «Горячее сердце»).

Юному Погорелову пошел второй год.

6. 17 марта 1940 года. Астраханскому окружному прокурору — просьба подействовать на районного прокурора, чтобы он подействовал на районную милицию, чтобы она подействовала на народный суд, чтобы он пришел в действие и сообщил адрес.

— *Глядишь: она цветет, взываешь — нет ответа* (Пушкин).

Сумма перевалила за третью тысячу.

7. 19 апреля 1940 года. Москва. Прокурору РСФСР. Просьба воздействовать на окружного прокурора, чтобы он воздействовал на районного прокурора, чтобы он воздействовал на районную милицию, чтобы она воздействовала на народный суд, чтобы он сообщил адрес.

«ДЕЛА ИДУТ, КОНТОРА ПИШЕТ»

(Пьеска из жизни бюрократов)

Действие происходит в наши дни в городе Алма-Ата, на улице Абая, дом № 38.

Картина I, этаж II

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР КАЗПОТРЕБСОЮЗА (за своим служебным столом). Что сегодня нужно сделать? Ага! Вспомнил... Спустить директиву в бухгалтерию Облпотребсоюза. (Берет громадный серый конверт, сует в него директивное письмо, надписывает адрес. Нажимает кнопку звонка.) Рассыльную! (Входит рассыльная.) Вот этот пакет сдайте на почту. Немедленно.

РАССЫЛЬНАЯ. Больше ничего не будет? А то бы сразу, чтоб лишний раз не ходить.

ГЛАВБУХ. Не будем рассуждать.

(Рассыльная уходит с пакетом.)

Картина II, этаж I

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР ОБЛПОТРЕБСОЮЗА (тоже за своим столом). Давеча в Казпотребсоюзе обещали: ждите, спустим директиву. Где ж она? (В открытое окно слышится голос: «Антон Антоныч!» Главбух Облпотребсоюза быстро идет к окну, высовывается, глядит вверх.) Я! Кто меня зовет? Ах, это вы, товарищ! Добрый день!

(Из окна во втором этаже выглядывает главбух Казпотребсоюза.)

ГЛАВБУХ КАЗПОТРЕБСОЮЗА. Добрый день! Спустил вам директиву.

ГЛАВБУХ ОБЛПОТРЕБСОЮЗА. Давно?

ГЛАВБУХ КАЗПОТРЕБСОЮЗА. Только что. Рассыльная понесла.

ГЛАВБУХ ОБЛПОТРЕБСОЮЗА. Так, так. Видел ее на лестнице. Значит, к завтраму можно ждать?

ГЛАВБУХ КАЗПОТРЕБСОЮЗА. А уж это как почта обернется. Всего!

ГЛАВБУХ ОБЛПОТРЕБСОЮЗА. Пока.

(Рассаживаются по своим столам.)

КОНЕЦ.

— Они молчат, а тайны не узнал я! (почти из оперы «Пиковая дама»).

8. И вдруг отдаленный голос прорезал пространство от Астрахани до Камчатки. Это был голос матери, Е. Е. Погореловой. Она телеграфировала: «Я получила телеграмму о том, что вы удерживаете Голубева алименты, но я до сего не получаю срочно высылайте. Погорелова».

«Так написать могла лишь мать...» Но и она не сообщила своего адреса!

9. Мальчишке скоро стукнет два годика. Алименты подходят к пятой тысяче...

— *...голос более не откликнулся, и мальчик снова принялся звать... Возгласы его, более и более редкие и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсем темно... «Адреса-а-а!» — все еще чудилось в воздухе, наполненном тенями ночи (по Тургеневу).*

Мы привыкли к тому, что народные суды, органы милиции, прокуроры лениво, равнодушно, вяло разыскивают лиц, уклоняющихся от платежа алиментов и упорно скрывающих свои адреса. Но вот случай, поистине небывалый: свыше года разыскивается мать, чтобы уплатить ей значительную сумму, свыше года из Камчатки умоляют проявить в этом деле элементарную чуткость. И какие-то равнодушные люди механически подшивают «к делу» одну телеграмму за другой, а дела никакого не делают. Не подлежит сомнению, что все эти телеграммы испещрены резолюциями: «Исполнить немедленно», «Проверить», «Разыскать»... И все это:

— *Слова, слова, слова!* (Шекспир).

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

10/6X/90

— Скажите, генерал, что предпринято для обороны страны?
— Все в порядке, сэр. Во-первых, сняты уличные таблички. Во-вторых, стираем на вывесках названия городов. А в-третьих, чтоб окончательно запутать неприятеля, думаем переименовать остров.

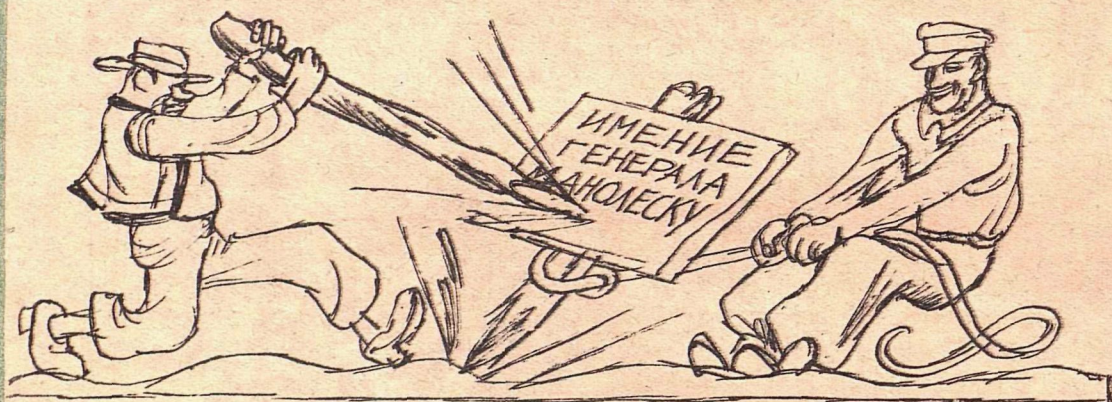

Нам не зря говорили, что спасение нужно ожидать от неба.

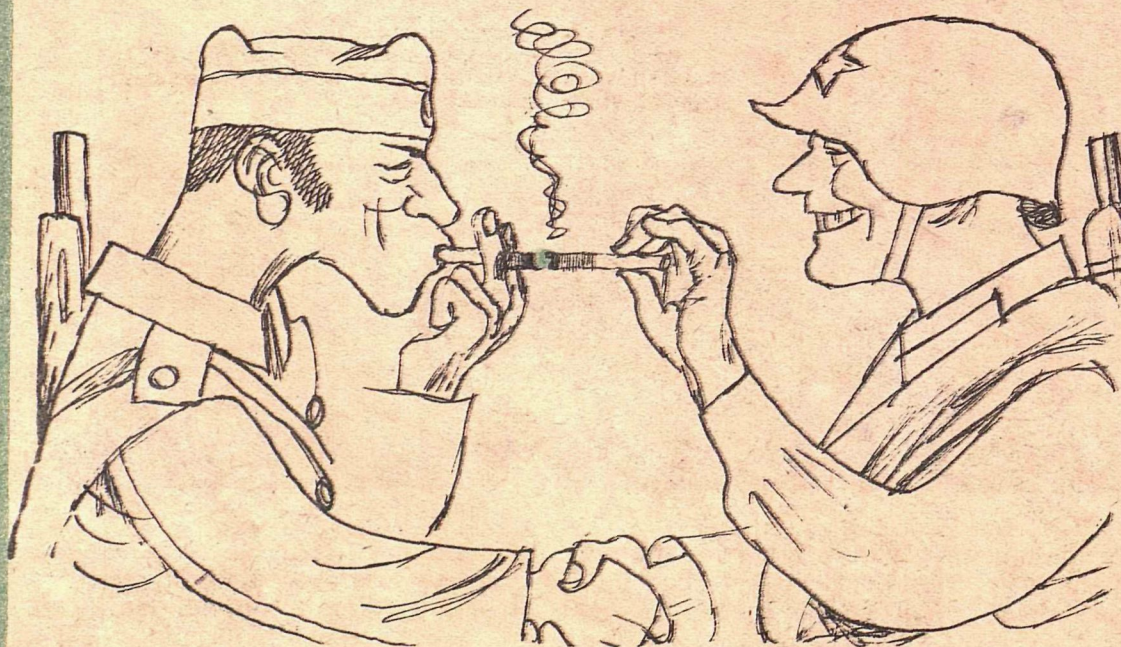
ВЗОШЛА

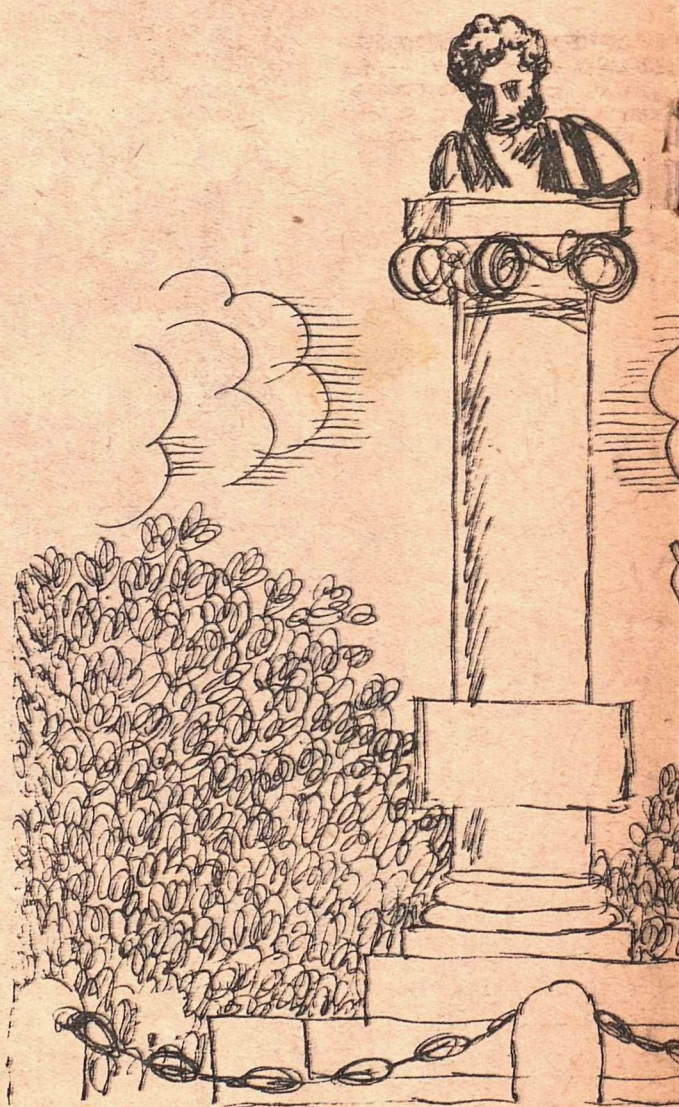
РУМЫНСКИЙ СОЛДАТ: — Сколько

Необходимое агротехническое мероприятие.

Части румынской армии вышли на линию огня и вошли в соприкосновение с частями Красной Армии.

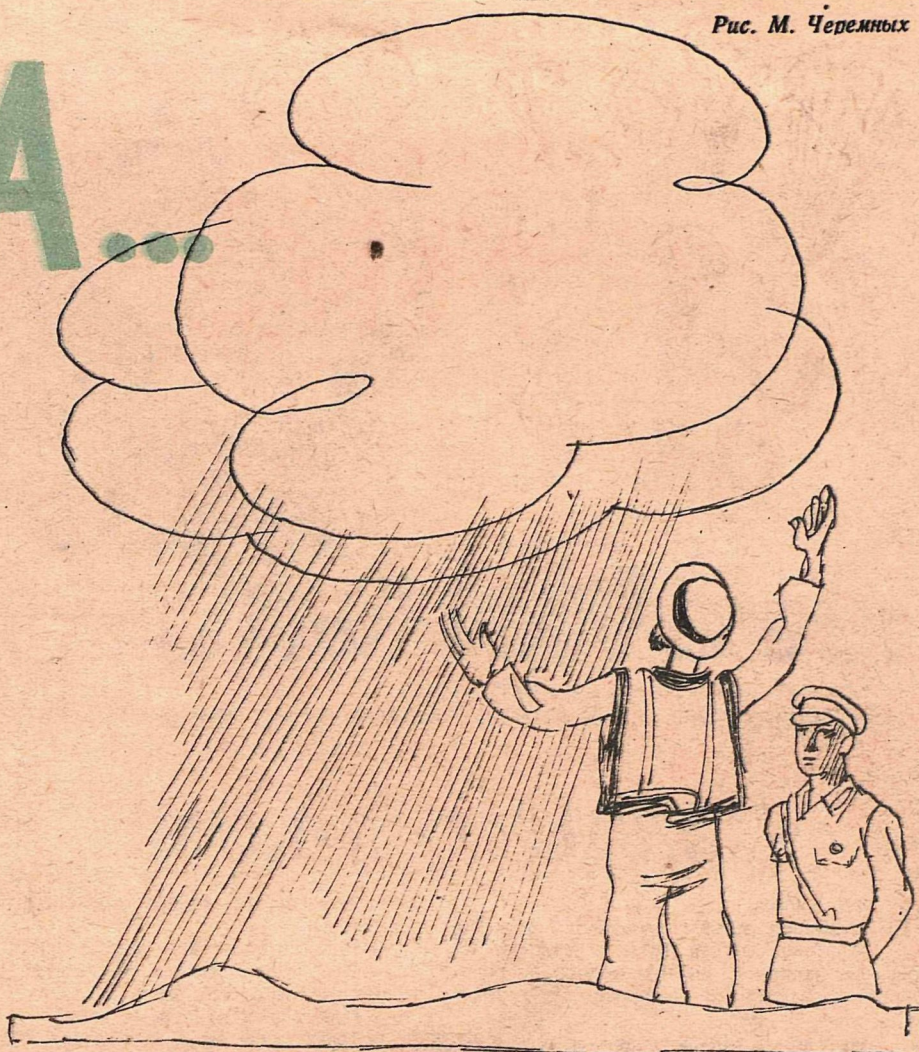

— Пушкин говорил: „Товарищ, верь, звезда пленительна и, как видишь, не обманул.“

ЗВЕЗДА...

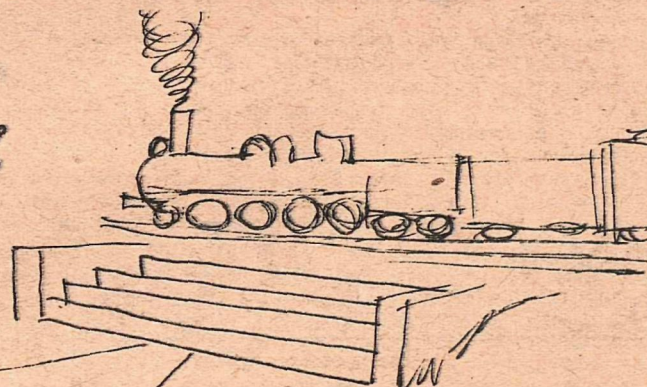

о времени я в солдатах, а в первый раз увидел свою часть.

— Впервые за столько лет дождь льет на мою землю.
— Что у вас — дождей не было?
— Земли не было...

ОГОРЧЕНИЯ КИШИНЕВ-
СКОГО МАКЛЕРА: — Не
дом, а целый город пере-
шел в другие руки, а мне
ничего не перепало...

— Не забудь взять билеты.
— Не беспокойся, еще 22 года назад, когда
мы ехали из Бухареста в Кишинев, я на всякий
случай взял обратный билет.

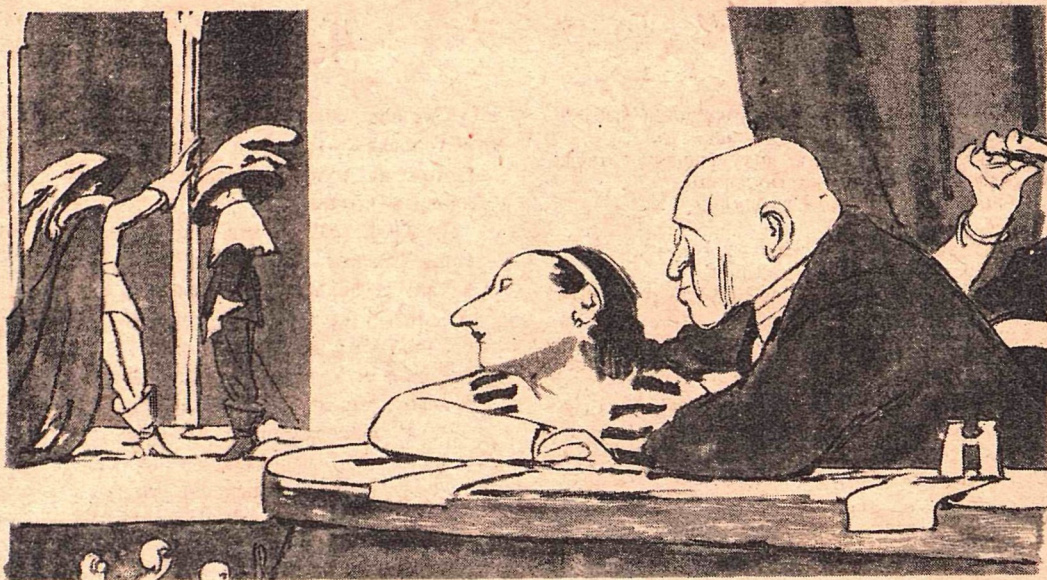

взойдет она,
ноги счастья"

Помещицья лисица и бессараб-
ский виноград.

Рис. Л. Соифергиса

— Кто из них, по-вашему, поет лучше?
— Гм... Не помню... Надо посмотреть ведомость: у кого выше оклад.

ЗА СТОЛИКОМ

О ба они лысые. Но у одного лысина зеркальной ясности, а у другого чистота пейзажа малость испорчена полдюжиной рыжих волос, беспорядочно разбросанных по сверкающему плоскостному.

Они сидят в вагоне-ресторане и под мерный стук колес пьют пиво. Познакомились они недавно, тут же за столиком. Но не прошло и шести бутылок жигулевского, как они сдружились и стали понимать друг друга с полуслова.

Совершенно лысый рассказывает отрывки из своей увлекательной биографии. Его рыжий собеседник слушает с раскрытым от восхищения ртом. Он то и дело прерывает оратора, подсказывая дальнейший ход событий. И — странное дело! — он попадает в самую точку.

— Приезжаю я, мой дорогой, в Орел. И сразу заболел — сильнейший озноб...

— Ломота в суставах и сорок температура! — Совершенно верно, Ломота в суставах и сорок температура. Лежу в номере целый день, но...

— Но я же понимаю ваш характер! — Но вы же понимаете мой характер. Утром на второй день я уже на ногах. Прихожу на завод и вдруг чувствую, что...

— Голова кружится! — Что голова кружится. Не успел я опомниться, как...

— Вы падаете в обморок! — Я падаю в обморок. Прихожу в себя и говорю директору: «Вы меня, конечно, оформляйте начальником отдела снабжения. Но я должен немедленно...»

— Ехать на курорт! — Совершенно верно. Ехать на курорт. Получаю, мой дорогой, путевку, деньги на лечение и еду в Kislovodsk...

— Сезон в разгаре! — Сезон в разгаре. Знакомлюсь там с одним астраханским директором, и...

— И он вам предлагает... — И он мне предлагает оклад в полтора раза больше чем в Курске плюс...

— Плюс квартира из трех... — Плюс квартира из четырех комнат, плюс под'емные. Но...

— Но я же понимаю ваш характер! — О! Вы понимаете мой характер. Я думал, думал и согласился. Мой астраханец уезжает к себе в Астрахань и телеграфом шлет мне в Kislovodsk под'емные. И я еду...

— Не в Курск, а в Астрахань! — Совершенно верно. Не в Курск, а в Астрахань. В поезде, в купе, я познакомился,

мой дорогой, с одним хозяйственником из Пскова, и...

— И он вам делает предложение! — И он мне делает предложение: оклад, под'емные, квартира плюс...

— Плюс дача на берегу реки! — Плюс дача на берегу озера. Но...

— Но я же понимаю ваш характер! — Вы же понимаете мой характер. Я хочу иметь и машину.

— Хотя бы эмку! — Хотя бы эмку. Он соглашается на машину, и...

— И вы едете в Псков! — И я еду в Псков. Я приезжаю в Псков. То да се...

— Пятое-десятое. — Совершенно верно. То да се, пятое-десятое. Начинаю устроиваться. Фондов нет, лимитов нет. Как здесь работать?.. Товарищ официант, еще...

— Еще полдюжины пива! — Еще полдюжины пива... Как здесь работать? Да и город скучный, а...

— А в это время... — А в это время получаю письмо из Калуги.

— И вам предлагают... — И мне предлагают рай земной с персональной ставкой. Но...

— Но я же понимаю ваш характер... — Но вы же понимаете мой характер. И я, конечно, соглашаюсь. Еду в Калугу.

— Приезжаете в Калугу. — Совершенно верно. Приезжаю, мой дорогой, в Калугу. То да се...

— Пятое-десятое... — То да се, пятое-десятое. Начинаю осматриваться, устроиваться. И опять...

— Ни фондов, ни лимитов! — Ни фондов, ни лимитов. И вдруг однажды утром я получаю...

— Новое предложение! — Какое там предложение! Повестку, мой дорогой, от прокурора.

— В качестве обвиняемого! — Совершенно верно. В качестве обвиняемого. Вызывают по месту прежней работы — в Псков. И вот...

— И вот вы едете в Псков! — И вот я теперь еду в Псков.

— Шесть месяцев минимум! — Что?! Официант, дайте...

— Еще полдюжины пива! — Никакого пива! Счет!..

ФЛАМИНГО ИЛИ БЫК?

ЕСТЬ в Азербайджане город Ленкорань, и есть в Ленкорани сельскохозяйственный музей.

Против этого, конечно, трудно что-нибудь возразить. Музей, вообще, — дело полезное.

Попробуем, однако, пройти по залу ленкоранского музея и полюбоваться выставленными там экспонатами.

Ознакомившись с этикетками на экспонатах, невольно приходишь к заключению, что значительно лучше было бы обойтись совсем без надписей, оставляя простор для творческой фантазии посетителей.

Этикетки эти изготовлены по принципу Козьмы Пруtkова: «Если увидишь на клетке слона надпись «Буйвол», — не верь глазам своим». Они созданы с очевидной целью — внести как можно больше сумятицы в неискушенные мозги.

Над чучелом розовокрылого фламинго с циничной наглостью сверкает ярлык: «Бык ярославской породы». Гагарку представляют посетителям в качестве «европейской косули».

Но посетителя у нас надуть трудно. Не видя у фламинго ни рогов, ни копыт, столь характерных для всякого уважающего себя «быка ярославской породы», он только посмеется над жалкими попытками руководителей музея превратить птицу в млекопитающее. Не смутит его и наличие клюва и крыльев у «европейской косули». Гагарка, она всегда гагаркой для него и останется, как бы она ни называлась на музейном наречии.

Но если эти эксперименты руководителей музея в некотором роде безобидны и отличаются разве лишь своей смехотворностью, то этого никак нельзя сказать о прочих опытах.

В витрине под надписью «Ветеринарная аптечка», украшенной лозунгом «Колхозник, лечи этими лекарствами свой скот», помещен набор сильнейших ядов. Ничтожной доли каждого из них достаточно для того, чтобы скот доверчивого колхозника кончил все расчеты с жизнью.

Здесь и мышьяк, и парижская зелень, и анабазин-сульфат, и много других, столь же могуче действующих «лекарств».

Это уже не смешно, товарищи.

И поэтому, когда после осмотра удивительного ленкоранского музея посетители наталкиваются на небольшую комнатку, на дверях которой имеется надпись «Директор музея», они, по принципу Козьмы Пруtkова, «не верят глазам своим».

Юрий ФИДЛЕР

Баку.

ДВА ДРУГА

Два друга, встретившись наедине, успели по душам поговорить (Один работал в Главвине, Другой — в Главпице).

— Здорово! С днем рождения, старина!

Ты получил три ящика вина?

— Спасибо. Вина недурные оказались.

— Ты, вижу, знаешь толк в жите-питье.

Вино провел я, между прочим, по статье — «На дегустаторский анализ».

— А ты, я слышал, замуж выдаешь

Меньшую дочку — Зину?

Так я тебе, чтоб ужин был хорош,

Пришлю на дегустацию цыплят корзину.

* * *

Два друга встретились. Понятно, где:

В суде.

КОТЫ И СМЕТА

В какой-то склад, Мышиным населением богатый, Котов радили целый год подряд. Коты не шли: им маленький оклад Сулили штаты.

Вдруг новый зав под новый год

Дал объявление в рамочке с узором:

«Продкладу требуется кот

На должность тигра-ревизора».

Котов наняли сразу шесть...

Мы подкрепим моралью басню эту:

Коты не постеснялись съесть

С мышами вместе годовую смету!

В. ГРАНОВ

Г. РЫКЛИН

КРИВОЕ РАВНЕНИЕ

ПИСАТЕЛЬ Сергей Находкин вошел к себе в комнату и бросил рукопись на стол, кепку — на диван, пальто — на кровать, а себя — в кресло.

— Не приняли? — спросила его жена.

— Не приняли, — ответил Находкин.

— Что сказали?

— Сказали, что мой рассказ — не литература, а детский лепет.

— Так ты бы отнес его в Детиздат.

— Относил. В Детиздате сказали, что это старческий бред.

— Тогда на эстраду.

— И на эстраду относил. На эстраде сказали: «Нас не пугает ни детский лепет, ни старческий бред. Было бы смешно. Но это несмешно».

— Это просто смешно! — воскликнула жена. — Что они понимают?! Уверю тебя, Сереженька, к тебе придираются.

— Конечно, придираются. Рассказ Малькова «Возвращенный бумажник», где описывается, как человеку вернули потерянный бумажник с деньгами, напечатали. Рассказ Финтфлеева «Вечера на кухне, близ примуса», где смею столько же, сколько во время кремации, читает вся эстрада. Рассказ Полудумкина «Как с Петровки на Покровку добирался мальчик Вовка» переиздают в третий раз. А мой рассказ «Выстрел гробовщика в барышню-крестьянку», — оказывается, несмешной старческий лепет и нелитературный детский бред. Типичная придирка!

И, выскочив из кресла, Находкин начал перебрасывать рукопись со стола под стол, кепку — с дивана в кресло, пальто — с кровати на диван, а себя — с кресла на кровать.

— Успокойся, Сереженька, — ласково сказала жена, глядя Находкина по взъерошенной голове. — Ты талантливей всех, кого я читала. Только сейчас ты не можешь себя найти в литературе. Это бывает. Но зато, когда ты найдешься...

— Когда я найдусь, они меня потеряют, — перебил Находкин, вскакивая с кровати. — Я знаю способ, как создать современную классику, и я ее создам! Создам, напечатаю и замолчу. Тогда посмотрим, кто к кому будет придирается: они ко мне или я к ним?

— Это какой же такой способ? — шопотом спросила жена.

— Равняться на классиков. Работать так, как работали они. Например Пушкин лучшие свои произведения создавал осенью, лежа в постели. А я писал свой рассказ весной, сидя за столом. Явная ошибка! Вот наступит осень, лягу в постель и начну создавать. И ты увидишь, как я себя найду!

Всю осень Находкин пролежал в постели и писал. В конце ноября рассказ «Две капитанских дочки» был готов.

В начале декабря Находкин вошел к себе в комнату и бросил рукопись на стол, кепку — на диван, пальто — на кровать, а себя — в кресло.

— Не приняли? — спросила жена.

— Не приняли, — ответил Находкин.

— Что сказали?

— Сказали, что хоть у меня «Две капитанских дочки», но ни одна из них никуда не годится.

— Значит, ты опять себя не нашел?

— Не нашел. Оказывается, пушкинский метод работать — не мой метод. Начну писать, как Тургенев.

— А Тургенев как писал?

— По ночам, при открытых окнах, сидя за столом, на котором стоял портрет Виардо. Сидел, поглядывал на нее и создавал «Месяц в деревне».

Всю зиму, по ночам, Находкин надевал валенки и шубу, открывал окна и садился писать, поглядывая на фото жены. Через неделю после начала тургеневского метода у жены Находкина началось воспаление легких и ее перевезли в больницу. Находкин же, кашляя, чихая и ежеминутно сморкаясь, продержался до марта. В конце марта пьеса «Три месяца в деревне» была готова и прочитана в театре.

В начале апреля Находкин вошел к себе в комнату и бросил рукопись на стол...

— Опять? — спросила похудевшая жена, вернувшаяся недавно из больницы.

— Опять! — ответил Находкин.

— Не нашел себя?

— Не нашел. Не годится тургеневский метод. Начну, как Достоевский.

— А Достоевский как писал? — с испугом спросила жена и закашлялась.

— Только после игры в карты. Играл в «железку», потом садился и создавал «Идиота».

Всю весну у Находкиных «резались» в «железку», после которой проигравшийся Находкин (ему очень не везло) садился писать.

В конце мая роман «Четыре идиота» был готов.

В начале июня Находкин перестал есть мясо и каждое утро, босиком, в широкополой соломенной шляпе, в толстовке, садился во дворе своего дома за маленький столик и писал.

Он создавал «Пять воскресений».

ЯКОВ РУДИН

Чепчики

Сначала сменили вывеску. Вместо «Столовая» написали «Кафетерий». Потом на головах подавальщиц появились чепчики.

— Культура! — хвастался директор. — Москву догоняем! Все в чепчиках! И ведь где эти чепчики срисовали? В «Доме малютки». Там все эти ползуны в чепчиках!

Какой-то гражданин, выслушав похвалу директора, сказал:

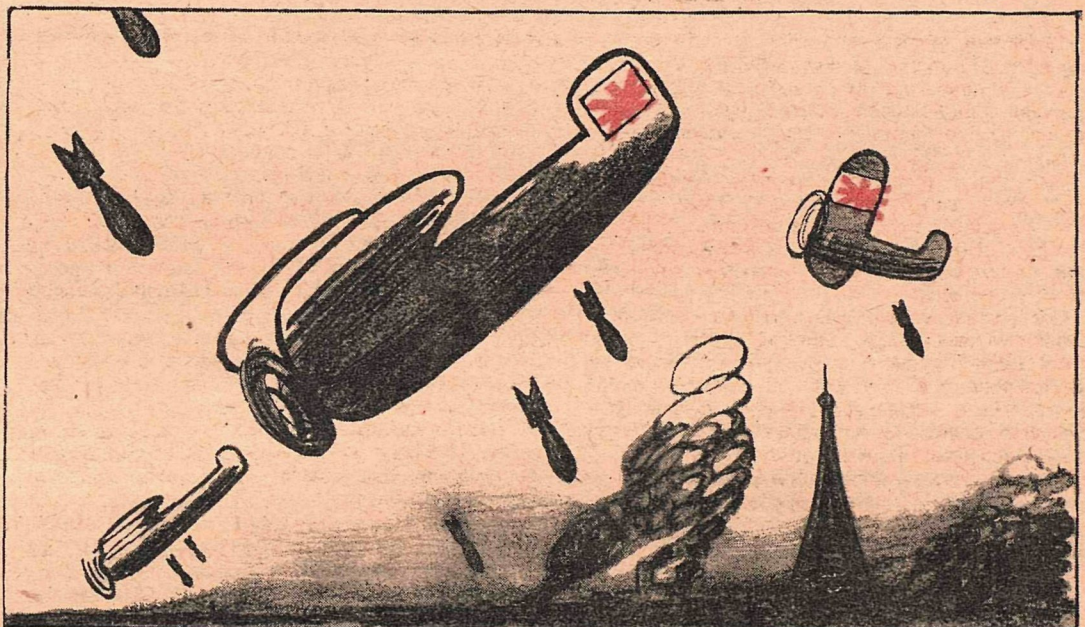
— А подавальщицы, и верно, похожи в этих чепчиках на новорожденных: совсем ходить не умеют.

И показал на толпу подавальщиц, которые, сбившись в углу, совсем не обращали внимания на крики и постукивание ногами посетителей.

В. ТОБОЛЯКОВ

К АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

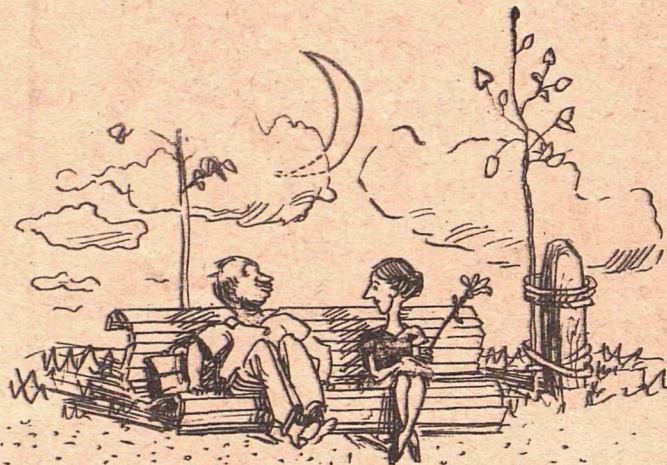
Рис. Л. Бродаты

Дружба, которая в огне горит...

...и в воде тонет.

— Как вы успеваете работать в шести учреждениях?
— А я подбираю такие места, где разные платёжные дни.

— За здоровье чуткого, сердобольного врача!

— Хочу поговорить с женой. Два часа звоню, а станция не соединяет. Вот бездельники!

ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ в нашем районе происходили маневры Красной Армии. До этого у нас маневров никогда не было. Так что наши колхозники очень удивлялись, увидев, сколько машин, порядок какой, вежливость. Уж, кажется, чего-чего, а бойцов у нас хватает. Но нет, в нашем районе, прямо скажу, был недохваток красноармейцев: на все избу не хватило дорогих гостей...

Но, между прочим, произошёл один случай, довольно, знаете, смешной и тоже на почве маневров Красной Армии.

А надо сказать, что в нашем колхозе имелось два отъявленных лодыря: Иван Антипыч Засекин — человек уже лет пятидесяти с гаком — и потом Кузьма Шмель — этому и двадцати пяти годов нет. Между прочим, фамилия Кузьме — Пантюхин, но все его зовут «Шмель», потому что он заикается главным образом на букву «з» и как-то у него выходит, что таких слов на букву «з» он говорит раза в два больше чем все люди. Только и слышишь от него:

— Ззипун ззастегнул, а ззбруя ззззела...

А что касается Ивана Антипыча, то Иван Антипыч — по образованию плотник и чуть что не столяр. Любит рассуждать про что-нибудь умное и туманное, а в газетах читает исключительно про научные открытия и об уме животных.

Хорошо. Только вот объявляют, что в районе будут происходить маневры и что части Красной Армии дня через три придут и в наше село. А на другой день после этого наш председатель колхоза Василий Андреевич вызвал к себе обоих друзей и повел с ними такую речь:

— Что ж, граждане дорогие, будет конец вашему безделью или как?

Кузьма Шмель говорит:

— Зззачем зззаостряешь вопрос?

Председатель говорит:

— А как же мне не заострять? Вчерашний день был вам наряд возить навоз в поле. И что же? Полное отсутствие с обеих сторон: и с твоей стороны, Кузьма, и с твоей, Иван Антипыч...

Иван Антипыч говорит:

— Э-э, брат, нет... Я ить не могу размениваться-то на ваш навоз. Я ить сам — незаурядный специалист, почти столяр!

И Кузьма поддерживает:

— Зззаведомо зззолотые руки.

Председатель говорит:

— Ну хорошо, у него золотые руки. А ты, Кузьма, почему вчера не вышел?

— Зззаболел.

— Чем заболел?

— Зззаусенец у меня образовался.

— Какой такой заусенец?

— Ну зззнаешь, какой: зззакорючка ззздесь вот, на ногте.

Председатель тогда говорит:

— Ну, вот мой сказ: последний раз даю вам урок. Если не выполните, пеняйте на себя: устрою над вами суд!

— Показзательный?

Иван Антипыч спрашивает:

— А какой ить урок ещё будет?

— А вот какой: знаете, из нашей деревни дорога к шоссе выходит вкось. Там надо вырубить клинышек перелеска, деревьев 20—25, и тем самым, так сказать, выровнять дорогу. Понятно?

— Зззз один день весь зззавиток зззакончить?

— Сколько успеете, — говорит председатель, — но работать на совесть! Ступайте!

Друзьям, конечно, работать никак неохота, но, видать, председатель не шутит. Пошли.

Захватили кой-какой инструмент, вышли к шоссе и начали под-

рубать первое дерево. Работали минут десять, малость взопрели. Кузьма говорит:

— Ззззакурим?

— Так ведь отчего не закурить это? Огонька это дай-ка-сь, Кузя... Да... Говорят, вот электричество большую подмогу это делает людям. Сейчас ты нажал кнопку — и сейчас это из стенки выезжает столик, а на нем яички печенные, колбаска это уже нарезанная и, конечно, водочка...

— Ззззубровка, да?

— И зубровка ить, и наливки, и табачное довольствие, и что твоей душешке угодно. Ить так сказать, скатерть-самобранка на научном это основании...

У Кузьмы аж слюны потекли. Он говорит:

— Зззабыли мы зззахватить полмитрия...

— Ай-ай-ай, вот ить опростоволосились! Придется сбегать сейчас...

Только, значит, друзья свернули за деревню, откуда ни возьмись выезжают танки. Вот подезжают танки и акурат подминают те 25 деревьев, которые припились на урок Ивану Антипычу и Кузьме Шмелю.

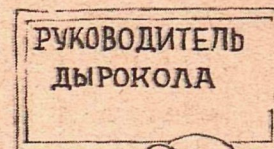
А наши дружочки дома малость отхлебнули, идут уже более веселые. Кузьма издали увидел поваленные деревья и говорит:

— Зззавалилась наша сосна с одной зззззубринки.

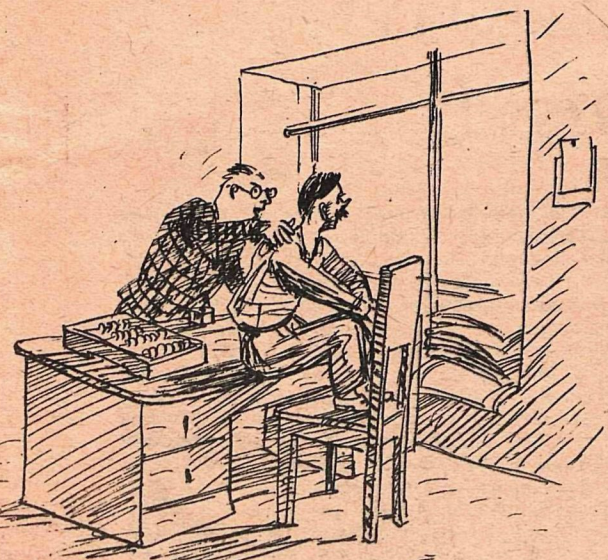
Иван Антипыч говорит:

— Нет, тут ить не одна сосна лежит, тут ить... Мать честная! Никак весь участок вырублен. Это как в сказке! Кто ж это понаделал?

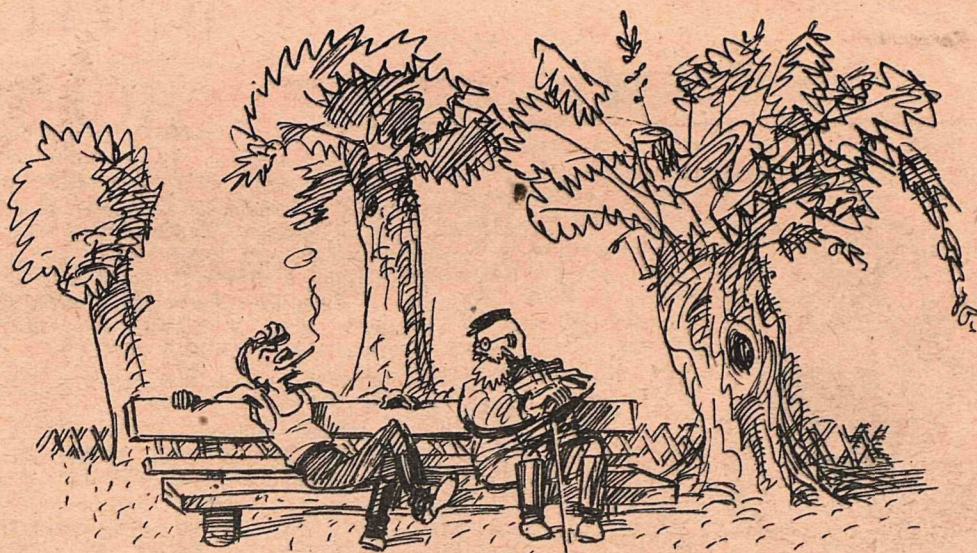
Рис. Б. Пророкова

Об'яснения к этому рисунку

— О чем думаешь?
— Думаю все о том, сколько я приношу пользы государству, проработав лишний час.

— Все говорят: летуны, летуны... Я уже на одиннадцатом заводе работаю и ни одного летуна в глаза не видел.

сказке

Кузьма говорит:

— Зззздание было наше, ззначит, и трудодни тоже наши. Кто бы ззздесь ни побывал, зззаворачивай к председателю!..

А председатель сидит у себя в избе, перебирает бумажки и вдруг видит: друзья стоят под окошком. Он аж побурел от злости:

— Так-то,— говорит,— вы «ра-бо-та-е-те»? Вам было сказано — сделаю над вами процесс на весь Советский Союз.

— Ззззззря разззоряешься. Зззздание выполнено.

— Как, то есть, выполнено?!

Председатель шапку даже не надел, выскочил на улицу и — на участок. Смотрит: действительно, деревья лежат одно поперек другого. Все чисто.

Председатель говорит:

— Что-то тут не так...

— Как это не так?! Ты за нас не станешь рубить деревья? Ну и каждый не будет!

— Ззначит, наша зззаслуга!

— Хорошо,— говорит председатель,— будем считать задание перевыполненным, и начисление трудодней будет произведено. Но ввиду раннего времени суток даю вам другой урок...

— Ззздздрасьте вам!

— Ничего не здрасте! Для приведения в порядок под'ездных путей к нашему колхозу предлагается вам приступить к изготовлению нового

моста через Дунькин ручей в районе Крутого оврага. Материал для моста есть — срубленные вами деревья. Точка!..

Друзья подходят к Дунькиному ручью, и что же они видят?

На том самом месте, где лежал старый мостишко из гнилых жердей, раскинулся ладный широкий мост из чистых сосновых досок да с перилами, да дерево пропитанное, чтобы не трухлявилось.

Ну, конечно, нам с вами ясно, что произошло: действительно, в связи с маневрами появилась около нашей деревни саперная часть, навела мост. А Иван Антипыч совместно с Кузьмой чуть не лишились рассудка. Они стали валиться. И хорошо, что оба сразу: кое-как подперли друг друга...

Потом Иван Антипыч говорит:

— Кузьма, никак я ить сплю!

— И я зззздремал..

— Как в сказке.

— Надо зззз председателем идти.

Пришли. Говорят:

— Выделай, председатель, так сказать, это комиссию... Принимать надоть новый мост.

Председатель нахмурился и говорит:

— Я вижу, вы опять за старое: шутики-прибаутки...

— Да ты ззззайди, да ты ззззгляни!

Председатель подходит к мосту и тоже начинает валиться на спину. Только Иван Антипыч, предвидя это, стоял сзади и ручки растопырил, чтобы принять председателя к себе в объятия. Принял, поставил на собственные председательские ножки и спрашивает:

— Ну как, уцлипнуть это тебя? Ась?

— Шипи!.. Ой!.. Да, видать: мост. Как в сказке... Нда... Конечно,

вопрос о награждении вас обоих будет стоять, но ввиду того, что рабочий день еще не кончен, имеется к вам последнее поручение: не хватает в нашем колхозе парашютной вышки для оборонной подготовки. Так вот: знаете вы, где у нас стоит одна-единственная сосна за выгоном, как к мельнице поворачивать? Я думаю, если к этой сосне присобачить небольшую площадку и лесенку, замечательная получится вышка. Валяйте!

А тут, как нарочно, на этой сосне проходившие части Красной Армии сделали площадку для наблюдательного пункта. Друзья подходят к сосне. Иван Антипыч уже не удивляется. Он говорит:

— Ить вот мы и вышку сделали!

— Ззззаворачивай к председателю!

С председателем, значит, торговались часа полтора.

Ну, дали им аванс. Председатель лошадь вытребовал. Стали запрягать, вдруг председатель видит: к деревне подходят части Красной Армии. Его прямо как по голове стукнуло, председателя. Он говорит:

— Дружочки дорогие, вы погодите отбывать в районный центр, я сейчас...

И кинулся к бойцам за справками. Возвращается — ни Ивана Антипыча, ни Шмеля. Лошадь привязана к правленческому дому, к крылечку. Аванс лежит у председателя на столе, и чернильница сверху поставлена: чтобы деньги не разлетелись.

Ну, что тут произносил председатель колхоза, я вам пересказывать не буду. Сами знаете: не маленькие...

Но только часов в пять утра председателя разбудил стук. Председатель, не одеваясь, подошел к окну, видит: стоят наши дружочки. Иван Антипыч говорит:

— Председатель, а председатель! Давай это мириться... Ить, мы теперь и работать станем, только ты нас это... не срами.

— Ззззбуди наши беззобразия...

И теперь оба эти лодыря стали исправными колхозниками. Сразу, можно сказать, перековались. Как в сказке.

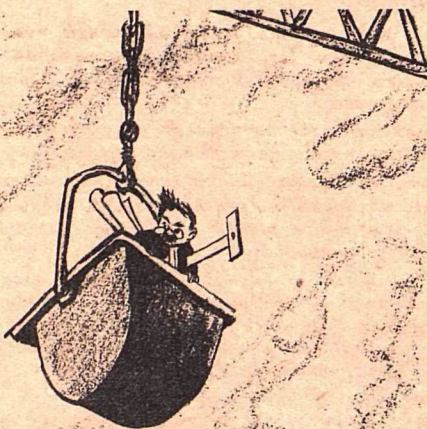
В. АРДОВ

отри в ведомости по зарплате.

Некоторые архитекторы после сдачи своих проектов не следят за стройкой.

Рис. И. Семенова

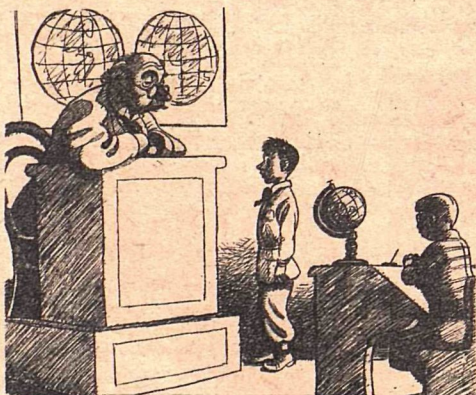
— Необходимое добавление к проекту

Рис. Б. Пророкова

— Вот работа, достойная кисти великого художника.
— По качеству?
— Нет, по цене за квадратный метр.

Рис. Ю. Ганфа

В АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЕ

— Что такое остров?
— Пространство суши, окруженное со всех сторон подводными лодками, самолетами и торпедными катерами.

УЖМИНСКИЙ ВОДОЕМ

НА ПОВОРОТЕ машина неестественно подпрыгнула и замерла. Единственный пассажир, председатель исполкома Залихватов, открыл дверцу и мечтательно оглянулся.

«До чего места у нас красивые! — подумал он. — Тут тебе и лесок, и лужайка, а дальше и вода блестит. Небось, озеро...»

Машина снова рванулась и, поднимая тучи пыли, медленно поползла дальше.

— Сущее мучение — здесь ехать, — устало сказал шофер, вытирая рукавом потное лицо. — Теперь неделю ремонтироваться будем.

— Да, — согласился председатель, — лучше бы сидеть дома и ждать, пока, наконец, будут осуществлены генеральные работы по строительству районной автострды. Вот тогда заживем!

Весь дальнейший путь протекал в полном молчании. В голове председателя, видимо, зрел какой-то важный план. Не обращая внимания на резкие толчки, он что-то сосредоточенно считал на пальцах и делал беглые пометки в блокноте.

К вечеру машина, наконец, добралась до районного центра — Ужмы. После тяжелой поездки тело Залихватова было покрыто ссадинами и мучительно ныло. Все же он немедленно созвал экстренное заседание райисполкома.

— Товарищи, — строго начал Залихватов, потихоньку растирая ушибленное колено, — как мы используем местные ресурсы? Еще далеко не в необходимом объеме. Некоторые товарищи увлеклись и сбросили со счетов воду. Никто нам не разрешал сбрасывать воду. Сегодня проезжал в машине и лично в этом убедился. Под боком, можно сказать, озеро есть, а мы...

— Озеро? — переспросил кто-то недоверчиво. — Что-то не слышал. Быть может, пруд? У самой дороги? Так он сильно запущен, заросен.

— Вот видите, — возмущенно продолжал Залихватов, — даже пруд! А как мы его используем? Обо всем должен думать только я. Надо немедленно запроектировать там крупный водоем. Будем снабжать рыбой весь район. Вот тогда заживем!

Предложение Залихватова встретило всеобщее одобрение. Даже председатель райплана, обычно не принимавший участия в прениях, громко предложил:

— Хорошо бы семгу. Ту, что по двадцать два за кило!

— Без осетра ко мне не приходите, — мрачно перебил его начальник управления стройматериалов, — ни одного кирпича для стройки не дам.

— Не забудьте икру, кетовую икру!

Работа закипела. Чем дальше шло время, тем все больше возрастали масштабы предприятия. По инициативе Залихватова при водоеме решено было создать величественный парк культуры и отдыха. Специально приглашенная из областного центра бригада архитекторов скоростными методами пририсовала на кальке несколько красочных пятен, долженствующих изображать зеленые насаждения и места культурного отдыха. Вторая очередь проектировала строительство консервного завода и опытной станции по разведению гибридов — скрещиванию карасей со щуками.

В шести залах городского клуба открылась большая выставка, посвященная водоему. Всеобщее восхищение вызвал гипсовый макет в одну сотую натуральной величины.

Но начало строительных работ все откладывалось. Каждый раз возникала необходимость что-нибудь добавить к проекту. Сначала это был мичуринский сад, потом рыбозов по подготовке специалистов высшей квалификации.

Много времени отнял спор о сортах мрамора для облицовки стен водоема. После тщательного исследования различных месторождений выбор пал на карельский мрамор. Изучая опыт передовых предприятий, группа специалистов познакомилась с крупнейшими водоемами и консервными заводами страны.

Но Залихватов все же был неспокоен. По-прежнему не было решено, какие рыбы следует разводить в водоеме. Дни и ночи проводил он у себя в кабинете, изучая питательные свойства различных рыб. Это была дьявольски трудная и кропотливая работа. В конце концов выяснилось, что все рыбы на что-нибудь годятся. Казалось бы абсолютно несъедобный, ядовитый хвостокол — и тот может быть использован в технических целях. Скрепя сердце Залихватов все же решил расстаться с хвостоколом. Даже Московский зоопарк не имеет этой рыбы в своей коллекции. А послать экспедицию в Тихий океан — дорогостоящее предприятие. По этой же причине Залихватов отказался от гнусов, иглорылов, углошипов, присосок и других полезнейших рыб.

В помощь окончательно запутавшемуся председателю была создана ученая комиссия. В нее на паритетных началах вошли зоологи и повара. Комиссия начала работать по широкому плану: дискуссии, доклады, пленумы ученого совета и т. д. Крупнейший в городе ресторан был заарендован для пробных дегустаций.

Наконец, через шесть месяцев на свет появился объемистый доклад и к нему объяснительная записка. Программа-минимум перечисляла 47 видов рыб, от субтропических до арктических, крайне необходимых для стола жителей Ужмы. Тут же подробнейшим образом перечислялись способы доведения этих рыб до стола и методы приготовления из них вкусных, питательных блюд.

Отмечая радостное событие, Залихватов назначил большой банкет. Меню его, естественно, было составлено исключительно из разнообразных рыбных блюд. У входа в ресторан все приглашенные получили по опросному листу. Против каждого из рыбных блюд требовалось поставить крестик или нулик. Таким образом, банкет преследовал и чисто практические цели — окончательно выяснить пригодность различных рыб.

Банкет начался речью председателя ученой комиссии Камышевского.

— Я поднимаю тост, — сказал он, — за тот класс позвоночных, представители которых, все без исключения, дышат жабрами, или, иначе, именуются рыбами.

Пир продолжался уже несколько часов. Опросные листы покрылись бесчисленным количеством крестиков и нуликов. Но наибольшее впечатление на всех произвел обыкновенный карп. Все единодушно восторгались этой рыбой.

— Немедленно вызвать сюда директора ресторана! — громко распорядился Залихватов. — Надо будет узнать, где разводят такого карпа, и завтра же послать туда авторитетную комиссию для изучения опытов. Такой карп нам как раз и нужен.

Директор ресторана не мог скрыть своего недоумения:

— Как где? Да у нас же, в Ужме. Второй год пошел, как местные колхозники пруд расчистили, хозяйство завели. Ничего рыба, подходящая. Охотно берем.

Слова директора произвели настолько ошеломляющее впечатление, что все участники банкета точно окаменели. И только председатель ученой комиссии Камышевский не растерялся и радостно воскликнул:

— Слава богу, наши труды не пропали даром!

А. БАСМАНОВ

ЧЕЛОВЕК ТОНЕТ

Кумуков Осман Мустафа с мая 1938 года работал водолазом в Ялтинском осводе. Он награжден знаком за спасение утопающих, записан на почетную доску Крымсовода.

После окончания 3-месячных курсов по повышению квалификации тов. Кумуков был начальником спасательного поста.

И тут неожиданно «выплыла» шинель. В один прекрасный день начальник спасательной службы Ялтинского райсовода тов. Ткачев уволил тов. Кумукова за отказ сдать шинель, полученную им на курсах.

Мало того, разгневанный начальник подал в суд, требуя уже не только сдачи шинели, но и возвращения 2250 рублей, потраченных на обучение.

Сначала нарсуд, а затем и Верховный суд Крымской АССР отклонили необоснованные претензии Ткачева. Союз Освод предписал восстановить Кумукова на работе. Секретарь Ялтинского райкома партии предложил сделать то же.

Но... водолаз и ныне там.

Странное несоответствие! Один единственный Кумуков двумя своими руками спас столько утопавших, а сейчас множество людей, крепко стоящих на земле, не могут помочь человеку, которого толкнули в мутную воду бюрократизма и самодурства.

ДАВАЙТЕ ВОЗДЕРЖИМСЯ

На ярославскую базу Главрыбсбыт поступила в большом количестве рыба. Ее следовало срочно пустить в продажу. Но по какой цене?

Ярославский областной торговдел телеграфирует в союзный Наркомат торговли и ждет ответа.

На другой день Ярославль снова запрашивает Москву и для убедительности предупреждает: «Рыба реализацией задерживается т.к. Хранить опасно».

В Наркомторге попрежнему хранили гордое молчание. Ярославцы тогда на свой страх и риск продали рыбу.

Спустя восемь дней из Наркомторга поступает по почте директива:

«Впредь до установления цен на окунь, барабуню и ставриду килечного посола предложите торгующим организациям воздержаться от приемки таковых».

Подписал начальник отдела цен Наркомторга Холщевников.

Эх, был бы жив Салтыков-Щедрин! Он засвидетельствовал бы, что и в его время таким мудрым начальникам отдела цен, действительно не было цены. Нет им цены и сейчас. А потому... «впредь до установления цен предлагаем отделу кадров Наркомторга воздержаться от приемки таковых».

«ОТЛИЧНО»

Рис. Н. Лиса

Тов. Абрамович Иван Егорович окончил семь классов школы взрослых (школы повышенного типа) при заводе имени Димитрова (БССР, Могилев) и получил переводное удостоверение, выглядящее так:

1. Белорусская мова — отлично
2. Белорусская литература — отлично
3. Русская мова — отлично
4. Русская литература — отлично
5. Математика — отлично
6. Физика — отлично...

и так далее — все отлично.

Приложив столь блестящий документ, тов. Абрамович шлет заявление директору Витебского кинотехникума, свидетельствующее об отличном владении «русской мовой»:

«Прошу рассмотреть мое заявление и зачислить меня в число курсантов ваших курсов так как я работал киномиханником и желаю учиться дальше. При этом присылаю аттестат за 7 клас... (неразборчиво) больш низнаю какие прислат докумены» и т. д.

Больше никаких документов и не требуется. Все ясно. Школа повышенного типа чрезмерно повысила отметки.

И там, где нужно писать «неудовлетворительно», ставит «отлично».

Вероятно, штамп такой заказали, чтобы поскорее запознать «аттестаты». Не бросать же специально заказанную вещь!

СТОРОЖ ЛЕСНОГО СКЛАДА: — Мне слишком мало платят. Вор украл за ночь больше, чем я получаю за месяц.

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Ты, наверно, не хуже меня знаешь, какие документы нужно представить при поступлении в вуз. Ну, аттестат об окончании средней школы, автобиографию, две фотокарточки, справку об оспопрививании, заявление... Кажется, все.

Но вот товарищу Дарменко этот асортимент показался недостаточным, и он решил дополнить его еще одним документом.

В Ростовский на Дону морской техникум лично на имя директора при заявлении А. Н. Васильченко о приеме поступило такое: штамп: «Зимовниковский объединенно-районный военный комиссариат. 30.VI.1940 г. № 3006/1. с. Зимовники».

А под этим такое «ходательное» письмо: «Прошу принять студентом вверенного вам техникума на I курс по речной судоводительской специальности моего свояка тов. Васильченко Алексея Нефедовича, так как последний имеет большое желание стать специалистом речного судоводительства. Пом. военкома Дарменко».

Меня, товарищ Крокодил, интересует в данном случае не будущий студент Васильченко. Он, если сдаст благополучно все экзамены, вероятно, будет все-таки принят в техникум несмотря на ходатайство своего свояка... Но как быть с Дарменко? Он-то ведь экзамена на серьезное отношение к государственному штампу и печати не выдержал...

Б. БРИСКИНА

Ростов на Дону

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Признайся, что тебе ни разу не приходилось покупать столы без ножек, велосипеды без колес и стаканы без дна. Зато покупатели магазина № 2 Сибторга в Новосибирске могут похвастаться тем, что им была продана целая партия часов-ходиков без маятников. Взамен этой насущной детали каждый покупатель получил от дирекции 2-го госчасзавода экземпляр печатного наставления, заканчивающегося словами: «...при покупке часов-ходиков требуйте испытания и наглядного показа их работы при подвешенном маятнике».

Пробовали мы взвесить, кто больше виноват: заведующая магазином тов. Жданова, принявшая недоброкачественный товар, или дирекция завода, приславшая никудашную продукцию, и решили: обе хороши.

Еще пробовали мы подвешивать вместо маятника наставление, но тут уж ничего не получилось: легкость в нем уж чересчур большая.

А. И. КОТЮНИН

Новосибирск

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Я знаю, что в настоящем происшествии нет ничего ни смешного, ни веселого. Это, скорее всего, грустная история. Но все-таки решил тебе написать.

Недавно, в самый разгар рабочего дня, мне принесли телеграмму. Не личную, деловую.

Телеграмма требовала, чтобы своевременно был выполнен план по уходу за парами, организовано лучшее использование культиваторов, дисковых борон, лущильников и ни в коем случае не была допущена подмена культивации вспашками.

То есть телеграмма самая дельная, разумная и правильная вообще. Против этого ничего не скажешь. Я совсем другое хочу сказать.

Я думаю, если бы изобретатель телеграфа знал, как отдельные индвидуумы будут впоследствии использовать его гениальное изобретение, он, пожалуй, отказался бы от этого, счел бы это просто ненужной затеей...

Дело в том, дорогой Крокодил, что телеграмма, о которой идет речь, прислана заведующим Кировским областным земельным отделом тов. Коровинным мне, заведующему Кировским райземотделом. А от Кировского облы до Кировского райзу хода минуты 3, ну 5. Спрашивается: стоило ли для таких «трасс» телеграф специально выдумывать?

Зав. Кировским Райземотделом
КОРОТКИХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда»

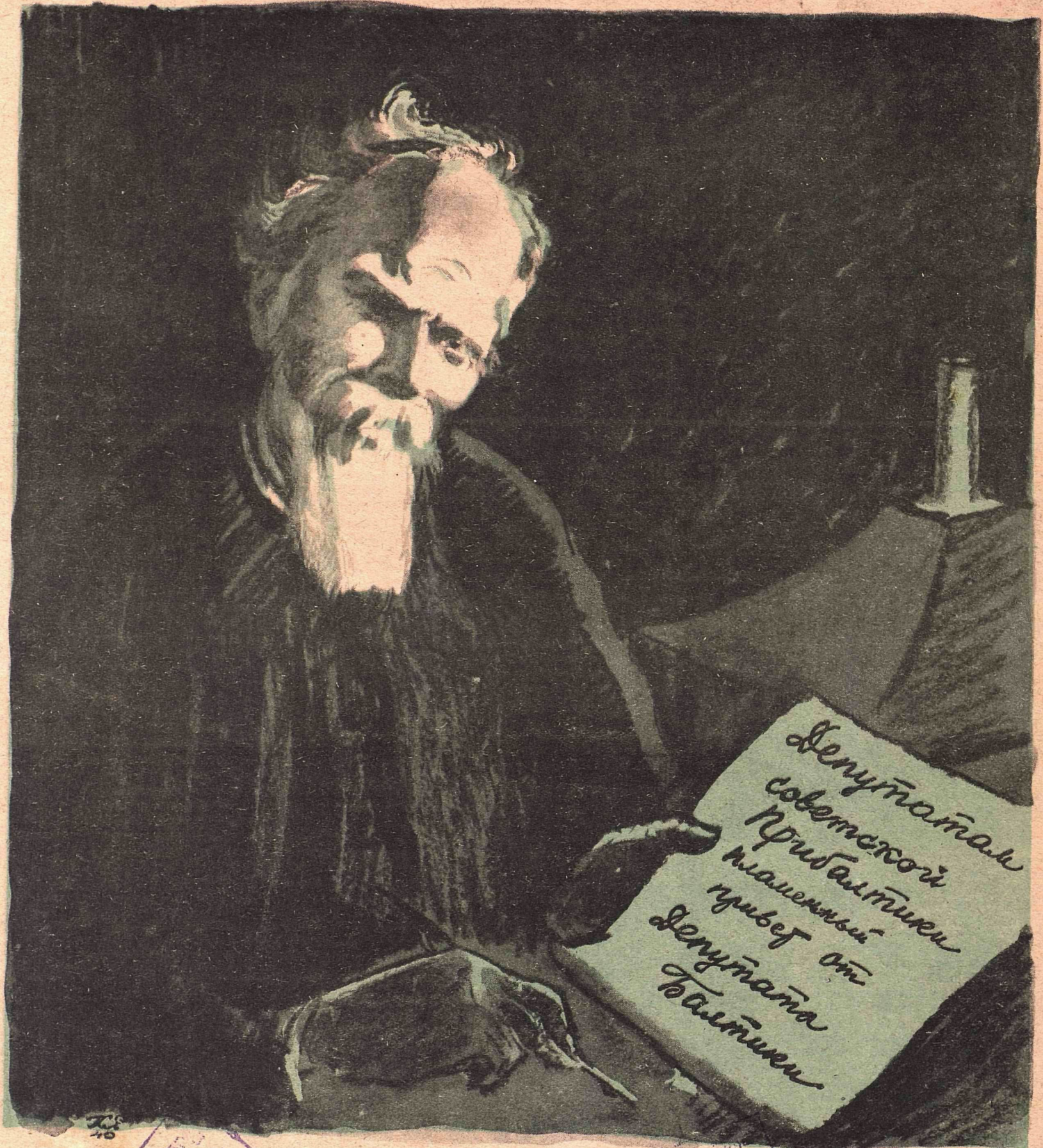
Москва. Изд. № 737 Сдача текста и рисунков 15/VII 1940 г. Подписано к печати 27/VI 1940 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000 Уполномоченный Главлита № А—29990. Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2413. Тираж 271 000 экз.

34

0

✓ 15902

Рис. К. Елисеева

Депутатам
советской
Прибалтики
привет от
Депутата
России

ОБРАТ. АДРЕС
5187-40
Ваша работа получена

	Горно- и серии		
Получ. в ред.	6/10/71		
Сдан в архив	6/10/71	7/10/71	